

УДК 303.01

DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/55-67

**«Колонизация» и/или «освоение»:
что нам делать с избытком терминологии?**

**«Colonization» and/or «development»:
what should we do with the terminology surplus?**

В сентябре и октябре 2017 г. в Дальневосточном федеральном университете (г. Владивосток) и в Институте экономических исследований ДВО РАН (г. Хабаровск) прошёл круглый стол на тему ««Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии?», объединивший историков и экономистов в обсуждении проблемы уточнения значимых для нас понятий.

**Заседание 29 сентября
в Дальневосточном федеральном университете**

Барбенко: Здравствуйте, коллеги! Поскольку мы уже опубликовали собственные позиции [3], я предлагаю сразу высказываться по существу вопроса. У нас есть две основных проблемы: во-первых, «видите ли Вы смысл в разделении этих двух понятий?» и «как можно квалифицировать явления как колонизационные и освоенческие?». Исследовательская практика подтолкнула меня к необходимости решить поставленные вопросы. Мы используем два разных слова для обозначения, как мне кажется, одного и того же явления. Возникает вопрос: а в самом ли деле это синонимы? Я считаю, что нам надо уточнять свой исследовательский язык; сейчас мы можем сделать заявку (понятно, что мы не решим этот вопрос в одночасье) на уточнение понятий. Речь идёт не о

БАРБЕНКО Ярослав Александрович, к.и.н., доцент кафедры политологии ДВФУ (г. Владивосток). **E-mail:** prohist@ya.ru

ГОРЮНОВ Александр Павлович, к.э.н., зам. директора по науке ИЭИ ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** alex.goryunov@gmail.com

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д.геогр.н., ИЭИ ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** demyankenko@ecrin.ru

ЗАКОЛОДНАЯ Анна Сергеевна, младший научный сотрудник ИИАЭН ДВ ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** zakolodnay@mail.ru

КОВАЛЕВСКАЯ Юлия Николаевна, к.и.н., научный сотрудник ИИАЭН ДВ ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** tupa67@mail.ru

КОНДРАТЕНКО Галина Викторовна, младший научный сотрудник ИИАЭН ДВ ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** gala103@ya.ru

МИНАКИР Павел Александрович, д.э.н., академик РАН, научный руководитель ИЭИ ДВО РАН (г. Хабаровск). **E-mail:** minakir@ecrin.ru

НАЗАРОВА Яна Викторовна, аспирант департамента истории ДВФУ (г. Владивосток). **E-mail:** mogoz67@inbox.ru

ФЕТИСОВА Лидия Евгеньевна, к.филол.н., ведущий научный сотрудник ИИАЭН ДВ ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** lefet@yandex.ru

памятниках истории, которые мы должны любить и ухаживать за ними, это наш инструментарий, который должен быть эффективным.

К своим доводам добавлю ещё один: осмысление русскими переселенцами земли как «своей», как части России. Существуют свидетельства того, что до революции в Приамурском крае этого не было. Даже переселенцы, приезжавшие сюда навсегда, говорили: Россия там осталась, а здесь что-то другое, мы Россию сделаем здесь, но ещё не сделали. Это значит, что ситуации освоения ещё нет, а колонизация случилась: мы здесь, мы это одно, Россия это одно, а Амур это другое. Это то, о чём говорил Эткинд: нет дистанции, нет колониальной ситуации. Есть дистанция, дистанция в хозяйственной деятельности, дистанция в восприятии. Именно таким образом и можно обнаружить явление освоения и явление колонизации – это наличие/отсутствие той самой дистанции, которая в немалой степени может быть обнаружена по результатам деятельности, по эффективности этой деятельности. Освоение может быть уподоблено сотрудничеству, взаимности процесса, что нельзя сделать в отношении колонизации. Понятие же пионерного освоения, которое может быть связано со степенью взаимодействия со средой, со степенью погружения в среду, отчасти покрывает определение колонизации, которое я развиваю.

Назарова: Я считаю, что «освоение» это экономическое явление, а «колонизация» политическое. Я буду говорить о Северо-Востоке, об охотском побережье, куда во второй половине XIX в. была направлена, как ни смешно, крестьянская колонизация. В совсем маленькие городки, например Таватом в районе Гижиги, отправляли крестьян. Ни о какой крестьянской колонизации там речи не шло: казаки вынуждены были поддерживать это население, чтобы потом его обратно куда-то увезли. Часть людей осталась, но фактически крестьянской колонизации не было, зато пошли служебные отчёты: крестьянская колонизация отрегулирована и на побережье Охотского моря. Вы рассказываете об относительно более поздних периодах, а «пионерное освоение», о котором вы говорите, это всё-таки XVII–XVIII века, потому что первый наплыв произошёл ещё до присоединения Амура, и именно тогда возникали бурные протесты против колонизации, вспомним войны Павлуцкого, русско-корякские войны. Появление казаков, которые шли как представители администрации, вело к объясачиванию аборигенов.

Фетисова: «Завоевание Сибири», «покорение Кавказа» – эта терминология в своё время была совершенно естественной, и я согласна с только что высказанной мыслью: надо разграничивать этапы. В чём наша проблема: мы всё время как будто оправдываемся, а ведь это мировой процесс. Можно подумать, что переселение «белого человека» в Австралию, в нынешнюю Латинскую Америку, в Северную носило иной характер.

Назарова: Сколько изменили войны Павлуцкого – они изменили политику христианизации, политику объясачивания при Екатерине II. Власть пыталась не усугублять отношения с местными племенами. Эвенки, которые закрепились на охотском побережье пришли вместе с русскими: с кем-то мы находили общий язык. Были выступления в основном корякские, позже коряки откочевали от охотского побережья. Но когда отношения были налажены, именно коряки спасали положение: при недоходе рыбы они подгоняли оленей и снабжали всех, кто не мог охотиться. Но им очень мешал ясак, и этот ясак на себя брали именно эвенки: у них была возможность охотиться, а не гонять стада. Взаимоотношение было найдено.

Ковалевская: Яна Викторовна привела яркие иллюстрации того понимания колонизации, которое сейчас сформулировал Андрей Голов-

нёв в своей новой книге [1]. Он рассматривает колонизацию на начальном этапе как биологический процесс, это расширение человека как вида по лицу земли. В дальнейшем этот процесс приобретает социальные и культурные формы, то есть человечество, зародившись в Африке, колонизировало все прочие континенты. Можно выделить несколько волн колонизации: когда-то из Африки была заселена Европа, Азия и так далее; впоследствии европейцы, размножившись и усвоив новые технологии, повторно колонизировали Африку, Азию и прочие земли. Россия в XVII–XIX веках приходила на новые территории в поисках ресурсов. И если вы говорите о земледельческом ресурсе, что он использовался недостаточной хорошо и эффективно: зато другой ресурс был найден, более выгодный, это вариант адаптации. Крестьяне переключились на иные формы эксплуатации этой земли, на другие колонизационные практики. Пушнина, ясак – это был важнейший ресурс развития России на определённом этапе, это была валюта, Московское государство выросло на этой основе, получило международное признание. Сейчас мы видим реколонизацию Европы выходцами из Африки, Азии. Колонизация может протекать как в виде военного завоевания, так и в виде некоего симбиоза, доминирования. Освоение – это адаптация, колонизация – это территориальное расширение, а адаптация – это форма использования этой новой территории. А пионерное освоение... Непонятно, что есть это пионерное освоение: часть освоения или часть колонизации, потому что мы сейчас видим: на многих территориях России произошло «реосвоение», например, Сахалин, за исключением Южно-Сахалинска, или Север, Магаданская область. За исключением девяти или двенадцати крупных городов на остальной территории России происходит запустение.

Фетисова: Либо просто происходит эксплуатация ресурса без постоянного населения, это тоже освоение. Поскольку Россия – страна крестьянская, то тезис приоритета аграрного освоения долгое время работал как политический. Крестьянин очень консервативен, и даже не потому, что на Дальнем Востоке плохие природные условия, они здесь другие. В старых учебниках встречается такая фраза: «Амурская область – житница Дальнего Востока»; регион с не самым благоприятным климатом, но действительно там много зерна производилось. Как писал в своё время Кириллов (один из Кирилловых, старший), «Благовещенск – молоканский город». По мысли молокан, труд — тяжкое благо, работать много, деньги зарабатывать – не стыдно. Традиционное же крестьянское мышление настаивает на определённой самодостаточности, они не торгуют, а у молокан совершенно буржуазный взгляд. Они кормили область с очень неблагоприятными условиями. Что писал Крашенинников о Камчатке: служки монастырские всё выращивают там, у крестьянина ничего не растёт. Потому что здесь всё другое. Анна Сергеевна знает, как [в Приамурском генерал-губернаторстве] пытались внедрить грядковый посев. Унтербергер обещал дополнительные выплаты крестьянам, чтобы они перенимали опыт у китайцев. Но наш крестьянин у китайца с корейцем учиться не будет. Выход нашёлся — о чём вы говорили, они сдают в субаренду: кореец поставил шалаш и всё вырастил.

Заколотная: По сути, мы имеем дело со способом освоения: переселенцы увидели, что их способы не работают, а работают другие. Действительно, многие регионы, такие как Нижний Амур, были не для выращивания зерновых культур, даже по официальным документам там надо развивать рыболовство, крестьяне переориентировались, а власть была только рада.

Назарова: Я вернусь к охотскому побережью: русские настолько быстро приспособились к аборигенской технике заготовки рыбы, к квашению, изготовлению юколы, то есть без использования соли, что соляной завод, специально организованный для промысловиков, даже при поддержке государства, был разорён. И уже когда сюда стали приезжать после войны 1904–1905 гг. японцы заготавливать рыбу, русские промышленники стали переходить на японский способ засолки рыбы. Местное же население, которое брало в аренду рыболовные участки, сохраняло традиционные способы заготовки.

Кондратенко: Мы почему-то рассматриваем колонизацию и освоение как линейный процесс: сначала идёт колонизация, потом пионерное освоение, потом, допустим, коренное освоение, а дальше может быть реколонизация или дальнейшее освоение. А ведь та же Маньчжурия даёт хороший обратный пример. Маньчжуры, которые завоевали Китай в начале XVII в., законсервировали Маньчжурию, китайцев туда не пускали. Конечно, там были беглые, но освоение Маньчжурии, или колонизация, начинается с середины XIX в., причём не китайцами – начинается освоение с англичан, с русских, и для русских, и для англичан это колонизация, а для маньчжуров и для китайцев это освоение. Они воспринимают новые формы хозяйствования, они перенимают какие-то новые методы. Может быть, для коренных народов это освоение, а для русских – колонизация, развитие, получение новых методов существования, новых способов производства, получения новых ресурсов.

Ковалевская: Это плюсы колонизации, которые аборигены могут получить от пришельцев, своеобразный симбиоз, о котором мы говорили.

Заколотная: Мы не делим эти понятия, до сих пор мы используем эти термины как синонимы.

Фетисова: Мы от термина «колонизация» в своё время отказались исключительно из политических соображений, это было очень заметно, поскольку «они» были колонизаторами, а у нас дружба народов.

Назарова: Если убрать политическую оценку, их свободно можно использовать, например, освоение какой-либо земли после того, как мы на ней закрепились политически.

Фетисова: Надо помнить о том, что есть понятия «колонизатора» и «колониста», один пришёл, чтобы взять здесь ресурс для метрополии, а другой пришёл, чтобы навеки поселиться и превратить это во вторую родину; это чёткое представление, что это вторая родина, первая всё равно осталась там.

Барбенко: Но она же должна стать родиной, как только данная земля стала родиной, колонизация и заканчивается.

Фетисова: Это мы оцениваем с позиции, так сказать, колониста, а если мы посмотрим с позиции людей, которые жили до русских, то мы по сей день проблему не решили.

Заколотная: Миграция населения происходит постоянно. Я, например, перееду в Петербург и не буду его сразу своей родиной воспринимать.

Ковалевская: Внутренняя колонизация существует между центром и провинцией, например. Метрополия, Москва, как ей кажется, осваивает ресурсы провинции – москвичи продвинутые, креативные, у них есть деньги. Провинциалам же часто кажется, что это именно колониализм, что их эксплуатируют, что с ними не считаются, что ресурс изымают безвозмездно, что они теряют в правах. Метрополия, естественно, с этим не согласится. Это тоже конфликт, это тоже дистанция, и культурная дистанция. И наоборот: Москва и другие крупные города России полны провинциалами, которые считают, что они в своём праве, они приехали работать, но жители данного города как метрополии видят в них

«понаехавших», тех, кто на всё готовое пришёл. Процесс колонизации продолжается, и в любом случае есть этот процесс пионерного освоения; даже если вы приехали из России в Америку, первый период адаптации представляет собой проблему. Это взаимный процесс. Вы говорите, что если меняются, значит – это освоение? По сути, они меняются сами и меняют среду, это взаимный процесс.

Барбенко: Вот именно, как только «разница потенциалов» исчезнет, тогда мы и можем говорить, что начинается освоение. Мы можем культивировать эту разницу, тогда она не исчезнет.

Ковалевская: Социальная среда иногда меняется сама: произошла перестройка, всё изменилось, ты остался на месте, никуда не ехал, социальная ситуация вокруг тебя изменилось, и опять возникла эта «разница потенциалов».

Фетисова: В новой ситуации идёт процесс адаптации, кто-то успешно адаптируется, кто-то нет.

Барбенко: И через понятие адаптации можно обнаружить колонизацию: там, где эта адаптация есть, там можно искать следы колонизации. Ведь адаптация почему возникает? Из-за разницы. Вот я куда-то приехал, а чувствую себя своим, и меня так оценивают. Фактически я «понаехал», но это не ощущается.

Заколотная: Это зависит от восприятия в разных странах. В Америке, например, это норма жизни – быть «понаехавшим», для нас это не так.

Кондратенко: Для России характерно использование фридмановских «факторов первой природы», когда мы эксплуатируем природные ресурсы и для нас люди не имеют большой ценности; когда ценятся «факторы второй природы», когда ценится то, что изменяется с помощью труда человека, формируется т. н. человеческий капитал. Сейчас ВЭФ говорит о том, что следующим этапом будет не капитализм, а то, что они называют «талантантизмом». Почему есть смысл говорить о колониализме: мы используем природные ресурсы. Если бы мы использовали деятельность людей, это было бы ближе к освоению.

Барбенко: Что же мы имеем сейчас? Получается, что рано разводить обсуждаемые понятия?

Фетисова: Надо учитывать научную традицию. Все понимают, о чём идёт речь. Хотя термины разные, все понимают, к какому периоду это относится.

Ковалевская: То, что термин один, а смысл его дрейфует при переходе, например, от XVII в. к XIX, от XIX к первой половине XX и к настоящему времени, это совершенно очевидно. То, что называл колонизацией Ключевский, говоря, что история России это история колонизации, было позитивно с его точки зрения; а то, что сегодня говорит Эткинд: история России – это история колонизации, это совсем другая колонизация. Смысл дрейфует в зависимости от политической ситуации и даже от позиции автора, как его можно отграничить?

Назарова: Занимаясь исследованиями освоения охотского побережья, я для себя разграничила колонизацию как продвижение по территории, а освоение начинается тогда, когда русские закрепились на этой территории. На охотском побережье в XIX в. была практика демонстрации иностранцам многочисленности населения, но населения не было, эту территорию просто держали, а осваивать не было сил.

Барбенко: Совершенно верно, я согласен: держим, закрепились. Любая практика: сначала ты должен закрепиться, а потом уже развиваться, вот это и есть граница между колонизацией и освоением. В Уссурийском крае до определённого времени параллельно с русской администрацией существовала ещё и маньчжурская, т. е. русские даже в

политическом отношении только колонизовали, только закрепились, но порядки свои они сюда внедрить ещё толком не могут. В разных сферах колонизация и освоение могут быть рассинхронизированы: в политическом и административном отношениях мы можем освоить некоторую территорию: все признают за нами право на неё и никто не будет притязать, а в хозяйственном мы не можем получить достаточного количества продукта, чтобы удовлетворить собственные потребности, особенно если это связано не с банальным присвоением, а с переработкой.

Ковалевская: Китайцы, которые имели здесь автономное от русской администрации самоуправление – получается, что они освоили эту территорию, но политического доминирования у них не получилось.

Фетисова: В демографическом отношении это было преимущественно мужское население, и мечтой многих китайцев здесь было получить много денег и вернуться на родину. Мы не забываем о каких-то культурных, политических моментах. Конечно, термин «освоение» благороднее, благозвучнее.

Ковалевская: До революции слово «завоевание» не было ругательным, считалось признаком цветущей прогрессивной державы. Давайте признаем, что выбор термина ситуативен и зависит от целей исследования, от периода.

Барбенко: Как мы можем зависеть от ситуации, от периода, если нам нужно найти имя для явления? Если мы используем разные термины, значит за ними стоят разные понятия, несмотря на период. Ведь именно называя одно явление разными именами, мы создаём предпосылку для его политизации.

Хорошо, коллеги, позвольте поставить точку в нашем разговоре, спасибо за содержательный и интересный разговор!

Заседание 30 октября в Институте экономических исследований ДВО РАН

Демьяненко: На сайте журнала «Ойкумена» есть материалы [3], которые уже обсуждались во Владивостоке, предметом обсуждения были два понятия: «колонизация» и «освоение». В материалах, который был разослан, было введение и несколько текстов. Мы будем обсуждать то, что относится к задачам родного института, в этой части мы и хотим разобраться, что такое колонизация и что такое хозяйственное освоение. Предоставляем слово уважаемому Ярославу Александровичу.

Барбенко: Здравствуйте, коллеги! Собственно, в чём интрига ситуации вокруг понятий «колонизация» и «освоение» – очень много примеров и в исторической, и в географической литературе, в которых эти термины используются как синонимы. В результате можно использовать этот избыток терминологии для того, чтобы, разделив объёмы этих понятий, уточнить их и обогатить наш инструментарий. В речи Александра Николаевича я услышал словосочетание «хозяйственное освоение», я думаю, что есть смысл говорить о собственно «колонизации» и собственно «освоении». Соблюдение этого условия позволит нам более плодотворно поработать, потому что «хозяйственное освоение» даже по своей форме понятие более узкое, более специализированное, чем понятие «колонизация». Вопрос, который выносится на обсуждение: оправданность разделения понятий «колонизация» и «освоение».

Демьяненко: То есть это синонимы или концептуально разные вещи?

Барбенко: Да, либо мы оставляем наш научный инструментарий на уровне русского литературного языка, либо стремимся оптимизировать наши познавательные средства. Ведь точность наших методов, точность наших инструментов скажется потом на точности наших результа-

тов. Если вы считаете, что разделение этих понятий оправдано, то какие вы видите способы квалификации явлений как колонизационных и освоенческих. Что касается моей позиции, то я этот вопрос рассматривал на опыте крестьян-переселенцев в Приамурье.

Демьяненко: Что касается социальных различий: приехавшие из коренной, скажем, России в Приморский край переселенцы попадали в ту же самую социальную среду или же здесь была другая социальная среда? Факт наличия китайцев, приехавших в Россию, играл свою роль или есть что-то ещё? В коренной России, как правило, это было общинное землепользование, совместное, либо, реже, это было подворное землепользование. Приезжая сюда, переселенец попадал в те же социальные условия или условия были другие? Была ли на Дальнем Востоке та самая крестьянская община, создававшая ту самую социальную оболочку, в которой развивалось хозяйство, или же это было иное качество?

Барбенко: Община была. Земли было достаточно, поэтому в переделах не было необходимости. Здесь общины нужны были, пожалуй, как средство распространения людей. Население распределялось гнездами, на определённом расстоянии друг от друга. По крайней мере, так планировалось и где-то так получалось. Можно сказать, что здесь община несла другие функции.

Демьяненко: У меня сомнения в том, что здесь была другая община.

Барбенко: Мы сейчас можем говорить, наверное, об этом, я просто не знаю, что крестьяне об этом думали и как они это видели. По крайней мере, сам по себе институт коллективности существовал и в этом смысле, выезжая из общин, крестьяне попадали в общину.

Демьяненко: Институт земельной общины в коренной России строился на принципе круговой поруки, более того, он законодательно не закреплялся никак, считалось, что мир сам разберётся, как надо правильно осуществлять подати и переделы – главные две вещи, правильно? Вот, опять, оболочка, такая, как крестьянский мир, у нас вроде бы есть на Дальнем Востоке, но переделами он не занимается, потому что нечего делить, так как земли хватало, а с податями принципа круговой поруки просто не было? То есть вроде бы оболочка та же самая, по словам, а на самом деле она выполняла другие функции. Я к чему подвожу разговор: колонизации и освоение вроде бы одно и то же.

Барбенко: На опыте старообрядцев мы можем явно видеть сознательное отношение хозяев к особенностям природной среды и целенаправленное использование этих особенностей. Иначе говоря, дистанция, разрыв между способом хозяйствования переселенцев и условиями хозяйствования зримо сокращается. Если партия переселенцев, пришедшая в Бельцово в 1884 г., это были колонисты, которые шли по сценарию колонизации, т. е. существовал конфликт между их знаниями и состоянием среды. Старообрядцы, которые в 1886 г. сюда пришли, дистанцию сократили, преодолели конфликт, и это уже может быть не вполне ситуация колонизации. Существует и альтернатива колонизации – освоение. На мой взгляд, географы наиболее развили понятие освоения с подачи понятия хозяйственного освоения. «Освоение» трактуется как одностороннее взаимодействие, т. е. это воздействие человека на территорию, в то время как понимание колонизации, которое я развиваю, предполагает взаимность – воздействие человека на территорию и воздействие территории на человека. И мы видим, что в ситуации старообрядцев здесь уже как бы игра, взаимная, т. е. среда делает ход (разливы рек), старообрядцы тоже ход (да, разливы, но ведь не каждый год, а условия для земледелия здесь хороши).

Демьяненко: Есть другой способ, его показали корейцы в Хабаровском крае, когда они в село Амба (Кутузовка) заселились, то у них было то же самое: у первых переселенцев смыло урожай. Они не ушли и не стали переселяться, они построили дамбу в 1,6 версты и 3 метра в высоту, и больше у них не было никогда наводнений. По-моему, дамба до сих пор существует. Можно плевать на риски раз в 15 лет, а можно парировать риски таким вот образом. Дело в том, что корейцы в отличие от русских уже знали, как бороться с наводнением, может быть, поэтому.

Барбенко: Одно дело, когда топит заросшее русское поле: урожай попортит, но испортит ли землю, это большой вопрос; корейское же поле, рыхлое, вручную перебранное, вода смывает легко. Разная степень интенсивности взаимодействия со средой у корейцев и у русских: корейцы в рамках своего хозяйства, огородного по факту, гораздо сильнее на почву воздействовали, смыв этой почвы являлся катастрофой, в этом смысле русские могли рискнуть, те же старообрядцы, но это просто портит урожай, а не поле как таковое.

Минакир: Кроме различия терминов, что ещё существенно для понимания?

Демьяненко: Наверное, первым, кто всерьёз рассматривал колонизацию как самостоятельный объект исследования, был Леруа-Болье, его формулировка и концепция звучит примерно так: «Колонизация, бесспорно, входит в сферу социальных явлений, это весьма сложная функция обществ, достигших весьма высокой степени цивилизации, иначе говоря, не каждое общество может осуществлять колонизационный процесс, а только достигнув определённого уровня. Общество основывает колонию, когда достигнув высокой степени зрелости и силы, оно выделяет из своих недр новое богатство, покровительствует ему, окружает его лучшими условиями для развития и ведёт его к возмужалости» [2]. Это 1887 г.

Минакир: «Капитал» Маркса он к этому времени ещё не успел прочитать, а жаль. Я сильно подозреваю, что и Маркс, и этот господин француз имели в виду несколько иную колонизацию, не ту, о которой мы говорили.

Демьяненко: Понятие колонизации, её концепция эволюционировали. У Ключевского есть бессмертная фраза, которую мы зачастую не хотим анализировать: «История России, есть история страны, которая колонизируется, область колонизации в ней расширяется вместе с государством и его территорией». Вот здесь очень важный момент, колонизация, в отличие от простого вольнонародного переселения, всегда предполагает наличие государства. То есть это процесс, который имеет не только экономическую составляющую. Это 1909 г. Я в данном случае опираюсь на бессмертные слова Шумпетера: «Когда нет чего-то готового, обращай к истории». На каком-то этапе само слово «колонизация» приобрело в наших советских условиях совершенно негативную коннотацию.

Горюнов: Это произошло гораздо раньше, первое разделение «колонизации» и «освоения» произошло после американской революции. После войны за независимость колонии исчезли, и движение на запад было не колонизацией, и колонистами они себя не называли. «Колонисты» – это те, кто приехал в первые волны на восточное побережье. А «переселенцы» занимались освоением этих территорий, и о колониях в этих случаях речь уже не шла, для них колония была вселенским злом.

Минакир: Позиция колонизации есть продвижение институтов на территорию. Александр Павлович говорит про американцев, они не институты создавали на этой территории, они уже приезжали осваивать территорию, имея институты как инструмент. То же самое с Дальним

Востоком, на этих территориях, которые осваивались, как правило, свои институты уже существовали. Коренных американцев просто уничтожали, но другая история была, скажем, в Индии: наличие людей означало, что там существовали уже институты, институты качественно другие. Те институты не могли быть использованы для освоения и для развития в смысле колонистов. Они должны были привнести свои институты, вот в их случае колонизация как раз была продвижением или насаждением институтов. А вот я пытаюсь понять: здесь, на Дальнем Востоке, здесь же ничего не было.

Демьяненко: С момента присоединения Приморья и Приамурья происходит процесс перенесения сюда институтов, сформулированных ещё в «Сибирском учреждении» Сперанского. Это т. н. Закон об инородцах 1822 г. Сложилось две группы институтов – одни институты для инородцев, другие для всех остальных. Закон об инородцах без существенных изменений просуществовал до советской власти; он предполагал закрепление за аборигенами территорий, на которых они могли вести своё хозяйство. А это и есть институт, т. е. это целый набор правил, которыми руководствовалась власть в отношении этой группы населения. У Сперанского инородцы разделены на три группы – оседлые, полукочевые и кочевые. Каждой из них был предписан соответствующий набор правил, и никто из местной администрации не имел право это нарушить.

Минакир: Но это существует до сих пор. До сих пор для малых народностей на Амуре существуют особые правила рыболовства. Все имеют одну квоту, а эти другую.

Горюнов: Существенное различие в том, что под резервационным понятием местной аборигенской публики предоставлялась их земля, на которой она (резервация) находится. Это их территория...

Минакир: Колонизация, следовательно, заключается в том, что новые люди пришли со своими институтами, которые вытеснили существовавшие, территориально локализовали, приспособили. У меня возникло впечатление, когда я слушал, что речь идёт о том, что сначала колонизация, а потом освоение.

Барбенко: Колонизация подразумевает чётко фиксируемую разницу, причём даже автофиксируемую разницу в положении сторон, т. е. «мы колонизаторы, вы – колонизируемые». То есть мы пришли из России, а здесь ещё не Россия, здесь Амур. И вот до тех пор пока Амур не стал Россией, эта ситуация колониальная. И получается, что Амур, грубо говоря, обрусел, и уже нет колонизации, мы уже можем говорить об освоении. Аборигены изначально находились в исключительном режиме инородцев, а потом у них остался только режим рыболовства.

Минакир: Существует какая-то смысловая разница, содержательная разница в том, назовём мы это колонизацией или назовём это освоением. Существует разница в самом процессе?

Демьяненко: Существуют два варианта исхода колонизации как некоего социального явления – это вариант греческой колонизации и римской. В первом случае автономно воспроизводился и сохранялся новый полис, и этот полис, находясь в чужой среде, развивался достаточно успешно. Рим – это абсолютная другая схема – создаются колонии в провинциях, сначала в Италии, эти колонии являются частью государства.

Минакир: Что это нам даёт с точки зрения понимания экономической истории здесь на Дальнем Востоке?

Демьяненко: Механизм включения территории Дальнего Востока в состав России. Прежде всего, это было создание так называемых колониационных комбинатов, КВЖД – первый, Кольско-Карельский – второй, он не был реализован в полном виде, третий – т. н. Уссурийский

ТОР (тоже не реализован), Амурский... Японцам удалось на ЮМЖД реализовать воспроизводство опыта, который предполагал развитие через создание сетей коммуникаций магистрального типа. Русские показали, как можно создать организацию, чтобы притягивать сюда население, капиталы и, если угодно, институты, которые были бы специфичны и отвечали бы требованиям этого конкретного места. Это касается большого количества экономических процессов, начиная с того, что было соответствующее собрание законодательных актов, которые регулировали земельные отношения, государственную поддержку морского пароходства, тарифную политику. Возникли организации, они инициировали изменения в институтах, и эти изменения происходили – Дальний Восток развивался.

Минакир: То есть получается, что процесс колонизации – это процесс создания неких организаций, которые стимулируют или генерируют процесс формирования институтов на этой территории под свои нужды, под свои задачи? А уже на платформе этих институтов начинается некая деятельность...

Демьяненко: Да. Начинает функционировать экономика. Втягивая эту территорию с определённым потенциалом, насыщая её теми или иными институтами и организациями, мы создавали импульсы роста для этой территории и втягивали её в общее национальное пространство.

Горюнов: Термин колонизация сегодня используется, когда речь идёт о колонизации территории. То есть создание обособленной колонии для использования ресурсов территории, каковы бы они ни были: население, как в Индии, или орехи, как в Спайсе, или ещё что-то.

Минакир: Создание экономического анклава. Он может функционировать только если в нём функционируют институты метрополии. Они могут быть модифицированы, но должны быть адаптированы к тем условиям, которые существуют вот в этом конкретном месте.

Горюнов: Адаптация адаптации рознь, потому что рабовладение тоже форма адаптации, но под законы Британской империи рабовладение северо-американских колоний особо не адаптируешь. Оно было запрещено.

Минакир: Работорговля была запрещена, как только возникли эти рабские плантации и людей стали перевозить из Африки суда, на этом и пиратство стало развиваться. Начали бороться с работорговлей, потому что она стала экономической основой растущих притязаний на независимость северо-американских штатов. Это была некая модификация обычного рыночного прообраза английской экономики, но в совершенно специфических условиях.

Демьяненко: Итак, если я правильно понял пафос дискуссии, действительно существует колонизация как некое социальное явление, и существует хозяйственное освоение как некое экономическое явление. Если опять-таки я правильно понял, на определённых этапах разницы между колонизацией как таковой и пионерной фазой освоения, если пользоваться терминологией Космачёва, нет. А дальше что получается?

Минакир: Была территория, она названа колонией, значит, с этим связан такой-то определённый этап, мы кладём это на полку колонии. А на следующей полке у нас лежит освоение, на следующей – развитие, значит на полке колонии ни освоения, ни развития пока нет, пока мы здесь только колонизируем всё. Но это же не так на самом деле?

Демьяненко: Адам Смит: «Латинское слово колония означает просто поселение, греческое слово, напротив, означает разделение жилья, отъезд с родины, уход из дома». В одном случае поселение, в другом случае отъезд. Если мы говорим о контексте второго смысла этого слова,

то у нас получается, что есть место, куда мы уезжаем, создавая там новое общество. Ну и всё, о чём тут спорить по это поводу, причём тут колониализм?

Минакир: Мы занимаемся сейчас не филологическими изысканиями, если бы так, то всё было бы понятно. Но мы же не об этом говорим, мы про экономику. Хорошо, колония, колонизация, каково содержание всего этого?

Горюнов: Есть общепринятое употребление термина «колония», этот термин относится сегодня к практике европейской колонизации, которая, исходя из греческо-римской схемы, относится к римской практике, фактически, к римскому пониманию термина — формирования поселения на территории для извлечения ресурсов для самой колонии и для метрополии. Есть современное понимание того, что называется освоением, которое ближе к греческому варианту, т. е. это расширение метрополии в пространстве, это экспансия путём отъезда лишних, так скажем, на новые территории. Если мы сейчас начнём толковать колонии в расширенном смысле, то мы увидим, что например, есть колонизация Окинавы Соединёнными Штатами, существует колонизация вообще всего Соединёнными Штатами, существует колонизация Украины Российской Федерацией. Есть стигма, связанная с термином «колонизация», но сам подход (т. е. организация обособленного поселения на территории для извлечения некоей прибыли из этой территории) не является чем-то плохим, но из-за того, что существует вот эта стигма, она переходит и на процесс. Допустим, освоение Севера: рассуждается об этом так, как будто должно происходить некое развитие территории Севера. Термин «освоение», который у нас очень популярен, в головах у наших лидеров настоящее стал связан с развитием территорий, что, как чего-то осваивать, при этом не строя миллионы километров дорог и кучу сетей поселений, они не представляют: «Это ж колония будет, это ж моногорода, это же жуть!».

Минакир: Хорошо, я с этим готов согласиться, а в чём продвижение с этой точки зрения употребления термина «колонизация»?

Горюнов: Колонизация предусматривает не развитие территории, а извлечение из территории исключительно каких-то ресурсов, без всякого развития территории.

Минакир: Мы пришли к концепции территории опережающего развития. Давайте создадим маленькие огороды, с каждого из которых будем, как нам кажется, сторицей получать доход.

Демьяненко: Вполне возможно, что такая форма извлечения экономической выгоды может быть в определённых условиях. Но это совсем не означает, что она есть единственно возможная.

Горюнов: Здесь опять же терминология имеет значение. Нам же эти ТОСЭРы преподносятся не как колония, а как институт развития территории. Хотя фактически мы сейчас пришли к тому, что это колонии. Но этого же никто не скажет открытым текстом.

Минакир: Вернёмся в 1979 г., когда Дэн Сяопин выдвинул идею шести СЭЗ в Китае. То, что это было бы названо «колониями» или «развитием территорий», или ещё как-то, что оно бы поменяло?

Горюнов: Опять возвращаясь к ТОСЭРам, логика, насколько мне в этом удалось разобраться, именно дэнсяопиновская: давайте создадим точки роста. Но логика применения фактически колониальных методов к Китаю исходила из того, что территория была экономически не освоена, это была масса нищего народу. «Давайте создадим колонии, в которых что-то будет, но теперь эти колонии будут приносить пользу — теперь мы хорошие колонии с хорошими целями создадим», — это была логика

китайская. У нас в той же самой логике создают колонии на развитых территориях, находящихся на стадии постиндустриального развития.

Минакир: У Дэн Сяо Пина, у Трутнева с Галушко принцип одинаковый: мы хотим осчастливить страну, осчастливить народ; мы создадим «колонии» внутри «метрополии», анклавов для развития метрополии. Сначала развитие будет сосредоточено в этих анклавах, эти анклавов послужат окном для проникновения импульсов развития. Но мы сейчас обсуждаем не разницу между китайскими СЭЗами и нашими ТОСЭРами, она очевидна, как очевидна и цель создания СЭЗов, но в случае ТОСЭРов она совершенно иезуитская. Споря об этих терминах и употребляя одну и ту же терминологию для разных ситуаций, мы упускаем самое главное: что в основе лежат (при одних и тех же терминах!) даже намерения разные, не говоря уже о разных целях и содержании. Вот почему я так боюсь исторических аналогов: беря некий исторический штамп и прикладывая его к конкретной ситуации, мы искажаем эту ситуацию.

Демьяненко: Соответственно возникает нормальное желание разобраться. Но с наскака с этим не разберёшься, потому что существует система понятий, и за каждым понятием стоит богатое содержание.

Минакир: С этим не разберёшься, но в ходе нашего разговора нащупывается что-то очень важное. Исходя из того, что я от вас слышал в начале нашего диспута, у меня возникло ощущение, что речь идёт о терминологических вещах: колонизация, колонии, освоение, и всё это было оторвано от реалий. А вот сейчас в результате наших разговоров появляется более интересная, содержательная схема рассуждений. Прагматично: есть территория, неважно как её начинали присоединять, как её начинали обустраивать и т. д., далее есть некая идея о том, что на этой территории что-то нужно делать, и есть некий, обращённый в историю, опыт заимствования какой-то абстрактной модели. Модель накладывается на эту территорию и говорится, что вот это и есть верх мысли, верх развития и т. д. Мы, взяв эту модель, описав ту реальную ситуацию, в которой она применяется, проведя аналогии с тем, имеет ли эта реальная ситуация и модель, наложенная на эту реальность, некие аналогии с каким-то историческим процессом, говорим: «Да, ребята, вы применили эту модель, но имейте в виду, что с точки зрения содержания, это не то, что вы думаете, а это то, что было когда-то, оно имеет свою логику и свои формы, поэтому, если вы берёте заимствования и переносите их из одной системы координат в другую, то вы должны понимать, что вы тем самым переноситесь в другое время и получите на самом деле то, что вы могли получить в то время, а не то, что вы хотите получить в будущем». А все остальные в это время уже убегают вперёд. Потому что заимствование формы небезобидно, форма предполагает очень тонкое и очень точное соответствие времени, условиям, а результат может настолько отличаться от поставленной цели, что вы действительно можете оказаться в колониальном прошлом.

Барбенко: Но мы не сможем в точности повторить чужие формы, а это значит, что результат будет, скорее всего, непредсказуемым.

Горюнов: Изначально колониальные обособленные формирования, поскольку они предназначены для извлечения прибыли, были важнейшей функцией накопления капитала. И сегодня их использование имеет ту же самую функцию, этот подход имеет очень важный и далеко идущий распределительный эффект, т. е., если возвращаться к ТОСЭРах, то фактически говорится, что есть территория, на которой может разместиться определённое количество компаний, государство определяет, какие компании туда войдут, и если эта колония хорошо работает, то эти компании будут обогащаться быстрее других, находящихся на большей территории. А это уже серьёзное государственное вмешатель-

ство в перераспределение и аккумуляцию капитала, тем более что у нас его не так много. Как это в дальнейшем скажется не только на развитии региона, но и в целом вообще, достаточно сложно предсказать, никто таких вопросов даже не задаёт.

Минакир: Если говорить о ТОСЭРах как о колониальных анклавах: если ТОСЭР, допустим, как площадку «Авангард» в Хабаровске, создаётся как огород на пустом месте, но совсем другое дело, когда этот ТОСЭР создаётся на базе уже существующего монополиста или под существующего монополиста, который туда уже назначен, например, Приморский нефтехимический комплекс и т. п. Это уже не просто моделирование, а создание и поддержка искривления институционального поля, это как Ост-Индская компания. Тогда имеет смысл говорить о схемах или о формах конкретной пространственной локализации как о колониальной форме или о форме развития, что переводит разговор в экономическую плоскость. Потому что, если это развитие, вы должны иметь в качестве ориентира для движения создание каких-то агломерационных эффектов, какой-то синергии и т. д. Если же это колониальный анклав, тогда вы кончите тем, с чего вы начали — максимальной локализацией дохода на территории анклава, а все остальные — свободны.

Демьяненко: Пора заканчивать наш разговор. Большое спасибо Ярославу Александровичу за интеллектуальную провокацию, она была успешной. Не уверен, что обсуждение соответствовало Вашим целям, но для нас оно оказалось вполне плодотворным.

Барбенко: Спасибо, коллеги!

Литература

1. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
2. Леруа-Болье А. Колонизация у новейших народов. СПб.: «Всемирный путешественник», 1877. VIII, 526, II с.
3. Предварительные материалы круглого стола ««Колонизация» и/или «освоение»: что нам делать с избытком терминологии?» [Электронный ресурс] // Ойкумена. Регионоведческие исследования: [сайт]. URL: http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (дата обращения: 27.09.2017 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Golovnyov A.V. Fenomen kolonizatsii. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015. 592 s.
2. Lerua-Bol'e A. Kolonizatsiya u novejshevik narodov. SPb.: «Vsemirnyj puteshestvennik», 1877. VIII, 526, II s.
3. Predvaritel'nye materialy kruglogo stola ««Kolonizatsiya» i/ili «osvoenie»: chto nam delat' s izbytkom terminologii?» [Elektronnyj resurs] // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya: [sajt]. URL: http://ojkum.ru/images/news/kolon_materialy.pdf (data obrashheniya: 27.09.2017 g.).